

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 101(470) + 101.9(470)

Б. В. Емельянов

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Лекция

Лекция посвящена национальным особенностям русской философии, как их представляли ее историки XIX–XX вв.

Ключевые слова: русская философия, философия в России, национальные особенности, политические судьбы.

Русская философия обладает всеми достоинствами национальной философии, внося свой вклад в развитие философской мысли человечества. Историки русской философии более века пишут о ее национальных особенностях, споря и предлагая свое их толкование. Почти сразу возник вопрос: как определять русскую философскую мысль — называть ли ее «русская философия» или «философия в России»? Первым понятие «философия в России» употребил А. И. Введенский 31 января 1898 г. в речи на заседании философского общества при Санкт-Петербургском университете, назвав ее «Судьбы философии в России». А Э. Л. Радлов в нескольких своих работах развел понятия «философия в России» и «русская философия». В словаре Брокгауза и Ефронова он писал: «Философиею в России занимались и занимаются, но говорить о русской философии в том смысле, в каком говорят о французской, немецкой или английской, нельзя: национального философа, каким является, например, Декарт для французов, Кант для немцев, Бэкон для англичан, в России не было» [14, 833]. Эту оценку он повторил и в 1910 г.: «У русских нет вполне оригинальной самостоятельной философской системы; тем не менее было бы

* Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00118а.

несправедливо утверждать, что существует лишь философия в России и нет русской философии» [8, 235].

Понятия «русская философия» и «философия в России» сохраняются и в современных историко-философских публикациях, в которых утверждается что *русская философия* — это самобытная философия с национальными традициями, а *философия в России* — объем философских идей, которые родились вне России, но в ней прижились и трансформировались, демонстрируя влияние на русскую философию инофилософий и обстоятельств ее существования.

Продолжавшиеся долгие годы споры о заимствованном характере русской философии в настоящее время прекратились. Взаимодействие национальных философий между собой несомненно и может быть признано одной из закономерностей развития философии. Еще А. И. Введенский в названном выше докладе говорил, что, «конечно, наша философия, как и вся наша образованность, заимствована. Но так оно и должно быть: большее или меньшее заимствование и подчинение чужим влияниям — это общий закон развития философии любого европейского народа» [2, 27]. Более того, по Введенскому, при обсуждении проблем заимствования внимание должно акцентировать не на заимствовании, а на поиске русскими философами актуальных для России вопросов: «Чтобы правильно судить о будущем нашей философии, надо обращать внимание не на то, что она заимствованная, а на то, как давно произошло это заимствование, при каких условиях оно совершилось и распространялось и что именно успела сделать у нас философия при этих условиях» [Там же].

Процесс взаимодействия русской философии с другими национальными философиями имеет многовековую историю и связан как минимум с двумя специфическими обстоятельствами ее существования. Во-первых, с христианизацией Руси через Византию и получением письменности через южнославянские земли. Это привело к тому, что античное философское наследие как еретическое оказалось закрыто для русской философии на долгие столетия. Оно не повлияло на развитие русской философии, не дало ей первоначального потенциала, толчка, проблематики. Слабое влияние античной мысли на русскую философию обусловливалось также тем, что в отличие от Европы в России в период зарождения ее философии латинский язык не был широко распространенным языком науки. Во-вторых, исторические и политические условия развития русского народа привели к отставанию от западноевропейских народов, в том числе в научной и философской областях. Это, в свою очередь, обусловило интерес русской философии к западноевропейской философской мысли. Процесс заимствования имел национальную специфику: он не носил тотального характера, все заимствованные идеи «примерялись» к национальным особенностям русской философии. В частности, в ней прежде всего «приживались», существенно перерабатывались, трансформировались те идеи, которые отвечали характеристике русской философии как философии жизни. Русская философия отвергала абстрактные, далекие от жизни философские системы.

Национальное своеобразие русской философии определяется рядом причин, как внешних — событийных, так и внутренних — сущностных. К внешним факторам, повлиявшим на формирование национальных особенностей русской

философии, относятся условия ее социального бытия, которые либо способствуют, либо препятствуют функционированию философских идей. Философия, хотя и имеет относительную самостоятельность, в конечном итоге определяется экономическим базисом, диалектически с ним связана и носит классовый характер. Государство в классовом обществе, как надстройка, также имеет классовый характер и соответственно защищает интересы господствующих классов, в том числе в области идеологии. Поэтому государство может поощрять либо запрещать распространение тех или иных философских идей.

Анализируя русскую философию, необходимо учитывать политику государства по отношению к ней, поскольку выяснение «степеней свободы» конкретно-исторического функционирования философии может многое объяснить в ее содержании, формах ее бытования и национальных особенностях. Наиболее наглядно политические судьбы философии проявляются в цензурной политике государства и церкви по отношению к изданию философской литературы.

«Официальная критика» — цензура в России — в основном относилась к философии настороженно-запретительно, о чем говорят все российские цензурные уставы и распоряжения по цензуре, как светской, так и духовной. Поэтому философия была вынуждена выступать в таких формах, которые делали ее малоуязвимой для цензуры. Одной из форм выражения философских проблем стала русская художественная литература. «У народа, лишенного общественной свободы, литература, — писал А. И. Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [3, 198]. Литература порой становится единственным прибежищем общественной мысли, носительницей философских идей. Идея свободы личности от какого бы то ни было гнета осмыслилась русской литературой не только локально, как борьба с любыми формами социального гнета, но и философски. Исследователи отмечают постоянную тягу русских писателей к философскому осмыслению жизни. «Редкая литература в кругу литератур мирового значения, — писал В. Ф. Асмус, — представляет пример тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература. И в то же время редкая литература отмечена в такой мере, как русская, своеобразием, порой причудливостью путей философского развития крупнейших ее талантов» [1, 83–84].

Процесс взаимодействия русской философии и художественной литературы позволил русским философам преодолеть абстрактный, научообразный рационализм, оторванный от эмоционально-чувственных сторон освоения действительности, и перейти к утверждению целостности человеческого духа.

Настороженно-запретительно государство относилось и к преподаванию философии в учебных заведениях, постоянно контролируя его, а порой и запрещая. Для политики русского государства по отношению к философии как учебной дисциплине характерна наметившаяся еще в XVIII в. тенденция сделать важнейшей дисциплиной богословие, подчинив ему все прочие дисциплины. В начале XIX в. в официальном органе Министерства народного просвещения о богословии говорилось следующее: «Сия наука потому есть общая для каждого воспитывающегося и, конечно, не менее, но и более нужна всех общих вспо-

могательных наук, которые, как, например, философия и другие подобные, приобретаются не для того, чтобы быть профессорами или учителями по оным, но для полезного употребления во всех других отношениях» [4, 310]. Во всех дореволюционных университетских уставах видна попытка заменить философию богословием и ограничить ее преподавание в учебных заведениях страны.

В истории русской философии немало примеров запрещения ее преподавания. Так, после запрещения в 1826 г. лекций по логике и истории философии профессора И. И. Давыдова философия в Московском университете не преподавалась до 1865 г. В 1833 г. во всех учебных заведениях было прекращено преподавание естественного права, а с 1850 по 1862 г. в университетах запрещалось преподавание философии. Столь неприязненное отношение властей к философии привело к дефициту профессиональной (академической, университетской) философии, в отличие, например, от Германии и других европейских государств. Но поскольку потребность в философском знании существовала в России всегда, самостоятельное значение приобретали те философские идеи, которые содержались вне философского знания, в частности в художественной литературе. Большое значение для распространения философии имели философские кружки и общества, общественно-политические, литературные, а к концу XIX в. и философские журналы.

Наибольшее значение кружки приобрели в николаевскую эпоху, так как они давали возможность объединиться единомышленникам. Журнал же выступал для философа трибуной, с которой он общался с русской читающей публикой. Русские философы понимали, что журнал в эпоху усиления политической реакции — единственное мощное средство идеологического воздействия на общество. История всех прогрессивных русских журналов — это история не прекращающейся борьбы за просвещение и прогресс. Из-за жесткой цензурной политики царизма многие философские работы могли увидеть свет только на страницах журналов. В России XVIII–XIX вв. не выходило многотомных фундаментальных философских произведений, зато большое количество философских статей появлялось в периодической печати. Я. Колубовский писал: «Русская литература отличается одной особенностью: редкий труд дерзает вступить на путь божий под своим собственным флагом в отдельном издании, но стремится найти себе приют где-нибудь в толстом журнале» [6, 3]. Журналы, по выражению А. И. Герцена, «вбирают в себя все умственное движение страны», вокруг них начинают сплачиваться различные философские течения и школы. Такими философскими центрами в России были редакции журналов «Отечественные записки», «Современник», «Дело», «Русское богатство», «Вопросы философии и психологии», «Русская мысль» и др. В редакциях журналов, естественно, вставала проблема читательских интересов, и поэтому не только критические, социально-политические, но и научные, философские публикации носили, как правило, публицистический характер и были доступны широкому кругу читателей. Это обстоятельство некоторым образом определяет национальные черты русской философии, а именно большой удельный вес внеуниверситетской философии и приверженность жанрам философской публицистики, полемики, рецензий, обзоров и т. п. Поэтому публицистический

характер русской философии является ее общепризнанной национальной особенностью.

С внешними обстоятельствами существования русской философии связана еще одна ее национальная особенность. Русская православная церковь настороженно, а порой и резко отрицательно относилась к русской религиозной философии; в конечном итоге это привело к тому, что в отличие от томизма — философии католицизма — русская философия религии стала развиваться как внецерковная, светская. Именно в ней, а не в официальной ортодоксальной православной философии обнаруживались тенденции к развитию философского знания и его социальная ориентация.

Главной национально окрашенной идеей, развиваемой русской религиозной философией, была идея христианской любви как связи между людьми в их стремлении к действительному преображению мира. Эта идея нашла оформление в «соборности». Начиная с работ славянофила А. С. Хомякова данное понятие обозначает сочетание единства и свободы («единство в свободе») многих лиц на основе их общей любви к Богу.

Еще на одну национальную особенность русской религиозной философии указывает Н. О. Лосский: «Те, кто не питает симпатии к метафизике и религии, заявляют, что в русской истории не было периода, подобного периоду средневековой схоластики, когда вся умственная энергия людей была сосредоточена на разработке системы христианской философии. Они полагают, что в конце XIX и начале XX в. русское общество впервые вступило в ту фазу духовного развития, через которую Европа прошла еще в Средние века. Поэтому они считают, что русское общество запоздало в своем развитии. Эти люди не учитывают тот факт, что культура развивается не по прямой восходящей линии, а по спирали. Верхняя часть спирали содержит процессы, параллельные и подобные процессам, происходящим в низшей ее части, но — вследствие влияния предшествовавшего развития — более совершенные. Русская религиозная философия не повторение схоластики, ибо она пользуется всеми достижениями науки и современной философии, особенно современной высокоразвитой гносеологии. Поэтому следует сказать, что русская религиозная философия является прогрессивным достижением и способна дать новый толчок развитию западной мысли» [7, 519].

Внутренние сущностные национальные особенности русской философии связаны прежде всего с актуализацией ею социальных проблем. Русские философы не уходили от решения различных по сложности социально-политических вопросов. В своих «Очерках развития русской философии» Г. Г. Шпет писал: «Философия приобретает научный характер не в ответах — научный ответ действительно для всех народов и языков один, — а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях» [13, 218–219]. Самыми знаменитыми «русскими» вопросами, которые решала социальная мысль России, были «кто виноват?» и «что делать?» При этом решала она их, как правило, на фоне вопросов историософских, таких как «что задумал Бог о России?», «каковы ее истоки и судьба?», что в конечном итоге определяло важнейшую национальную особенность русской философии, ее социо- и историоцентричность.

На эту ее особенность указывали едва ли не все историки русской философии. С. Л. Франк, в частности, писал: «Философия истории и социальная философия (которые также являются религиозной этикой и онтологией) — вот главные темы русской философии. Самое значительное и оригинальное, созданное русскими мыслителями, относится к этой области» [11, 153].

Поиски решения русской философией названных выше вопросов также несут черты оригинальности. К примеру, в русской философии, в отличие от западноевропейской, по-иному понимаются «истина» и «правда». Для нее «“истина” понимается не в современном смысле тождества представления и действительности, а в старом религиозном смысле конкретного постижения истинного бытия, от которого человек отошел и к которому он снова должен возвратиться и укорениться в нем. Истина — это не только производная абстрактная категория познания; в своем первичном смысле она выступает конкретной онтологической сущностью, сущностным основанием жизни» [Там же, 152]. И в этом смысле она — «правда», «духовная сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается» [Там же]. В истории русской философии много примеров того, что русские философы ищут не «истину», а «правду», а еще лучше «правду-справедливость», которую можно положить в основание жизни и преобразовать ее.

Разделение «истины» и «правды» является стороной еще одной важной национальной особенности русской философии. Для нее рациональный, «научный» путь познания и рациональный, логически выдержаный стиль познания истины никогда не были основными. Русской философии претил отвлечененный, абстрактный характер философских конструкций европейской мысли, далекой от запросов жизни. Такую философию русские мыслители либо отвергали (критические высказывания о ней встречаются и у демократов-шестидесятников, и у религиозно ориентированного Н. Ф. Федорова), либо предла гали сгладить абстрактный характер, соединив философию с религией или наукой. Оригинальный вариант «живознания» предложил славянофил А. С. Хомяков, заявивший, что «разум жив восприятием явлений в вере и, отрешаясь, самовоздействует на себя в рассудке, разум отражает жизнь познаваемого в жизни веры» [12, 279]. Таким образом, познание, по Хомякову, осуществляется в «сопоставлении знания непосредственного от веры со знанием отвлеченным от рассудка. Это непосредственное живое и безусловное знание, эта вера есть, так сказать “зрячесть разума”» [Там же, 20]. Живое знание представляет единство идеи и жизни, знания и сущего, оно «проникнуто всей действительностью (познаваемого); оно бьется всеми биениями жизни, принимая от нее все ее разнообразие, и само проникает ее своим смыслом; оно снабжает рассудок всеми данными для его самостоятельного действия и взаимно обогащается всем его богатством» [Там же].

Иной вариантнейтрализации рационализма в гносеологии европейской философии предложил В. С. Соловьев в теории цельного знания, которое объединяет в себе чувственный опыт, рациональное мышление и веру. Каждый из элементов, доведенный до «истинной» полноты в целом знании, теряет свою самостоятельность и приобретает синтетический характер: положительная

наука, возведенная в истинную систему или доведенная до своих настоящих начал и корней, переходит в свободную теософию, ею же становится и философия, избавленная от односторонности, а теология, освободившись от исключительности, также необходимо превращается в свободную теософию.

В обоих случаях рационализм дополняет вера, которая для русской мысли была и остается наследницей восточного православия. Если стержнем европейской философии является *ratio*, то в русской философии таким стержнем является *логос*. Специально исследовав их противостояние, В. Ф. Эрн в работе, посвященной Г. Сковороде, пишет: «Внутренне унаследовав логизм и нося его, так сказать, в своей крови, Россия философски осознает его под постоянным влиянием западноевропейского рационализма. Вот основной факт русской философской мысли. Историческая встреча и завершающая битва между началом божественного, человеческого и космического Логоса и началом человеческого, только человеческого *ratio* есть достояние и удел России... Но нужно быть совершенно слепым, чтобы не видеть, что русская философия, начиная с великого старца Сковороды, есть непрерывное и все растущее осознание стихии Логоса, осознание, совершающееся как результат воздействия на русскую мысль все растущего и все более внимательного изучения западноевропейского рационализма. И нужно быть совершенно глухим, чтобы не слышать, что весь длинный ряд оригинальных русских мыслителей, начиная с XVIII столетия и до наших дней, переполняется все более явственными призывами непримиримой борьбы, борьбы во имя животворящего Логоса с бездушными схемами рационализма; и только тот, кто почивает эту борьбу, как священную борьбу между коренными и глубочайшими основами человеческого сознания, сможет оценить все своеобразие русской философской мысли и понять ее необычайное внутреннее единство» [15, 500–501].

Творческий поиск ответов на извечные русские вопросы, находящиеся на границе философского и религиозного мировоззрений, делал его экзистенциально ориентированным, обращенным к человеку, его сущности и существованию. Поиск этот делает русскую философию философией жизни, выстраданной в неприятии социального, индивидуального, духовного негативизма человеческого существования. Такой мир человек принять не мог без кардинальных его изменений. Варианты таких изменений русские философы предлагали разные: от социальных преобразований до преображения человека, одухотворения его по заветам Христа как основы этого преображения. Первую точку зрения утверждали социалистически ориентированные демократы, народники, марксисты; вторую — философы религиозной ориентации, чью позицию В. С. Соловьев в третьей речи памяти Ф. М. Достоевского высказал так: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородных грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое *настоящее дело* и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: *что делать?* Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления;

пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления» [10, 311].

В решении проблемы человека у русской философии давние традиции, берущие начало в работах русских средневековых книжников. Но лишь в XVIII в., который вывел русскую философию из-под опеки религиозных форм мышления, началось ее целенаправленное обращение к этой проблеме. Под воздействием просвещения усилилось внимание к человеку, его разуму, внутреннему миру. Трактовку сущности человека как вневременной и абсолютной заменяет анализ обстоятельств, определяющих существование и ценность человеческой личности.

С XVIII в. обращенность к судьбам человека и мира, критика деспотизма и гуманизм становятся основными чертами русской философии. Наиболее ярко они проявились в середине XIX в. в философии революционных демократов, которые, приняв с восторгом «философскую антропологию» Л. Фейербаха, значительно переработали ее в направлении практической реализации гуманистической теории антропологического материализма, связанной в их представлении с решением вопросов социалистического преобразования общества.

Сильной была и религиозно-философская линия русской антропологической традиции: масонство, славянофильство, философия всеединства, русский персонализм, экзистенциализм, космизм. Предлагались иные, чем в материализме, установки в решении проблемы человека. Выражая общую тенденцию развития русской философии, Н. А. Бердяев утверждал, что «вне-антропологическая и над-антропологическая» философия не может быть творческой философией, поскольку антропологический путь является единственным путем познания Вселенной.

Русская религиозно-идеалистическая антропология оценивала сущность человека, соотнося его с Богом, ориентировала на мир «потусторонних» ценностей. Ей противостояли антропологические ориентиры позитивизма и марксистской философии, которые сущность человека определяли как конкретно-историческую совокупность общественных отношений. Человек в этом случае ориентировался на «посюсторонние» идеалы, на безусловные авторитеты общественных детерминаций его существования. Абсолютизация марксизмом философии только как теории развития и всеобщих связей привела в советский период к утрате внимания к антропологической проблематике, что нарушило традиции русской философии, всегда интересовавшейся проблемами человека и его самосовершенствования, проблемами морали. Как пишет Э. Л. Радлов, «во всех произведениях, в которых есть хотя бы и слабо выраженный философский элемент, вопросы трактуются с этико-религиозной точки зрения, ибо такая точка зрения остается господствующей в русской философии, так что в этом наклоне в сторону этико-религиозных вопросов и в мистическом их решении нельзя не видеть национальные черты» [9, 97]. Все историки русской философии писали о ее панморализме как о национальной черте всей русской мысли. К примеру, Н. О. Лосский подчеркивал, что русские философы «даже занимаясь областями философии, далекими от этики... как правило, не упускали из поля зрения связь между предметами их исследований и этическими

проблемами» [7, 515]. Эту же мысль высказывает и В. В. Зеньковский, подчеркивая, что в русской философии «доминирует (даже в отвлеченных проблемах) моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования» [5, 16].

Еще одна национальная особенность русской философии связана с ее космизмом. Космическая ориентация русской философии прослеживается со Средних веков, но только к середине XIX в. определяются три формы ее проявления: естественно-научное, религиозное и художественное. Космизм русской философии связан с ее антропологизмом, идеей восстановления естественной связи человека и природы, утраченной веками их противостояния. Русский космизм противопоставил индивидуализму антропоцентризма предшествующей философии новое понимание человека и природы как единого целого, требующего своего восстановления. Идеи всеединства Вл. Соловьева, мира как органического целого Н. О. Лосского, ноосферы В. И. Вернадского, монизма Вселенной К. Э. Циолковского — вот далеко не полный перечень эвристически значимых идей русского космизма, делающих русскую философию одной из самых привлекательных ветвей развития философии человечества.

-
1. Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова // Лит. наследство. М., 1948. Т. 43–44.
 2. Введенский А. И. Судьбы философии в России // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991.
 3. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1956. Т. 7.
 4. Журнал министерства народного просвещения. 1821. Ч. 1.
 5. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991.
 6. Колубовский Я. И. Философский ежегодник. Год первый. М., 1895.
 7. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
 8. Общая история философии. СПб., 1912. Т. 2.
 9. Радлов Э. Л. Очерки истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии.
 10. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соч. Т. 2. М., 1988.
 11. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
 12. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 1.
 13. Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии.
 14. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVIII. СПб., 1899.
 15. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Минск, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 25 февраля 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>